

Юхан КАХК

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ И ПЕРИОДИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО ИДЕОЛОГИИ

История классово́й борьбы и ее идеологии — излюбленная тема советской исторической науки с первых лет ее существования. В последние годы появился ряд статей, где сделаны попытки обобщения проведенных в этой области исследований, высказаны новые точки зрения прежде всего по вопросам идеологии крестьянства¹. Определенный итог проделанной работы подведен и в недавно опубликованной трехтомной «Истории крестьянства в Европе. Эпоха феодализма»².

Благодаря усилиям многих поколений советских историков в мировой историографии укрепилось понимание исторического значения и прогрессивной роли борьбы крестьянства против эксплуатации и угнетения. Это не значит, что и в настоящее время не встречаются в зарубежной историографии высказывания, отрицающие самостоятельное значение крестьянского движения и приписывающие ему консервативно-реакционный характер³. Однако тон задают, как уже сказано, исследователи, понимающие и признающие историческое значение борьбы крестьянства. В появившихся за последние десятилетия работах глубже раскрыта роль крестьянства в буржуазных революциях. Не только советские историки, но и зарубежные марксисты, например Р. Бреннер, убедительно раскрыли значение классово́й борьбы крестьянства как своеобразного катализатора социального прогресса⁴.

В процессе историографического развития не обошлось без ошибок, в ходе приближения к истине пришлось преодолевать скороспелые выводы и упрощенческие представления. В появившихся в 1920—1930-х годах трудах имело место революционно-романтическое преувеличение значения крестьянских восстаний, иногда отсутствовал необходимый при оценке событий далекого прошлого историзм⁵. При анализе антифеодалных выступлений крестьянства порой проявлялись определенный формализм и недооценка качественных характеристик и диалектической

¹ Буганов В. И. Об идеологии участников крестьянских войн в России. — Вопросы истории, 1974, № 1, 44—60; Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984; Милов Л. В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII—XVIII вв. (Некоторые проблемы теории.) — Вопросы истории, 1981, № 3, 34—52; Рахматуллин М. А. Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В. И. Ленина. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; Рындзюнский П. Г. Иде́йная сторона крестьянских движений 1770—1850-х годов и методы ее изучения. — Вопросы истории, 1983, № 5, 4—16; Федоров В. А. К вопросу об идеологии крепостного крестьянства. — В кн.: Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Мат-лы межвуз. науч. конф. Смоленск, 1972; Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России. — История СССР, 1982, № 5, 88—101.

² История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма, 1—3. М., 1985—1986.

³ Mollat, M., Wolff, Ph. Ongles bleus, jacques et chiompi: les révolutions populaires en Europe au XIVe et XV siècles. P., 1979; Mousnier, R. Fureurs paysannes. Les paysans dans les révoltes du XVIIe siècle (France, Russie, Chine). P., 1967; Fossier, R. Histoire sociale de l'occident médiéval. P., 1970; Forquin, G. Les soulèvements populaires au moyen âge. P., 1972.

⁴ Brenner, R. Agrarian class structure and economic development in preindustrial Europe. — Past and Present, 1976, nr. 10; Brenner, R. The agrarian roots of European capitalism. — Past and Present, 1982, nr. 97.

⁵ См.: Милов Л. В. Классовая борьба крепостного крестьянства, 36—37.

сложности рассматриваемых процессов⁶. И в советской историографии встречались высказывания, которые можно было истолковать как попытку умалить историческое значение классовой борьбы крестьянства⁷.

Наши историки правильно указывают на фатальную обреченность крестьянской борьбы. Однако повторение в принципе правильной идеи о том, что крестьянство без организованной борьбы и научной идеологии не могло добиться победы, поневоле привело к определенной недооценке значения этой борьбы. В опубликованных в последние годы трудах чаще встречаются более положительные оценки — больше приводится данных о том, что подчас крестьянам удавалось одерживать частные победы и что постоянное сопротивление феодальной эксплуатации оказывало ускоряющее влияние на ход социально-экономического развития, заставляло правящие классы идти на уступки, принимать решения, способствующие общественному прогрессу. Указывая на то, «... что крестьянские восстания... почти всегда терпели поражение», Е. В. Гутнова все же подчеркивает: «При всем том крестьянские восстания XIV—XV вв. нельзя считать абсолютно безрезультатными»⁸.

В XIII в. борющиеся против феодальной эксплуатации французские крестьяне добились фиксации феодальных повинностей и отмены серважа⁹. В Англии крупные антифеодальные восстания крестьян в XIV—XV вв. приостановили наступление феодальной реакции¹⁰. Создание в центре Европы Швейцарской республики тоже по-существу является результатом антифеодальной борьбы крестьянства¹¹. Охватившие в 1680-е годы все чешские области крестьянские волнения вынудили короля издать патент, фиксирующий и ограничивающий объем барщинных повинностей¹².

Б. Ф. Поршнев в свое время сформулировал концепцию «лестницы» форм крестьянской антифеодальной борьбы в средневековье: частичное сопротивление (индивидуальный или коллективный отказ от того или иного требования), уход, или бегство, восстание (т. е. применение коллективного насилия для уничтожения существующих условий эксплуатации)¹³. «Исторически первые две формы в широком смысле также предшествовали восстаниям»¹⁴. Правда, при этом Б. Ф. Поршнев мимоходом указывает на то, что памятники раннего средневековья могли неполно отразить борьбу крестьян.

Схема Поршнева по-разному оценивается советскими историками. Одни считают, что на ее основе возможно построение фактически имевшего место исторического процесса¹⁵, другие видят в ней лишь одну из логических схем истории развития крестьянского движения¹⁶.

⁶ См.: *Кавтарадзе Г. А.* Логика крестьянской борьбы. (По материалам Великокорусских губерний первой половины XIX в.) — В кн.: *Проблемы аграрной истории (XIX—30-е годы XX в.)*, ч. II. Минск, 1978, 48—49.

⁷ См. критику подобных точек зрения акад. Л. В. Черепниным в статье «К дискуссии об абсолютизме в России» (*История СССР*, 1972, № 4, 76).

⁸ *Гутнова Е. В.* Классовая борьба и общественное сознание, 247.

⁹ *Тёпфер Б.* Эксплуатация крестьян и классовая борьба в северофранцузской деревне в XIII—XVI вв. — В кн.: *Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII—XV вв.* М., 1985, 280—281.

¹⁰ *Гутнова Е. В.* Основные направления эволюции форм феодальной ренты и классовой борьбы крестьянства в Западной Европе в период развитого феодализма. — В кн.: *Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII—XV вв.*, 35—36.

¹¹ *Гутнова Е. В.* Классовая борьба и общественное сознание, 247.

¹² *История крестьянства в Европе*, 3, 365.

¹³ *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964, 275—279. (По мнению Б. Ф. Поршнева, борьба крестьян за увеличение доходов своего хозяйства и, следовательно, за уменьшение доходов феодала — не является классовой борьбой.)

¹⁴ Там же, 279.

¹⁵ *Литвак Б. Г.* О периодизации крестьянского движения в России. — *Вопросы истории*, 1986, № 3, 67.

¹⁶ *История крестьянства в Европе*, 1, 463—464.

До настоящего времени нет совсем ясного ответа на вопрос о том, имеет ли место постепенное и постоянное усиление политических аспектов и политического содержания классовой борьбы крестьянства. Высказывались мысли, что уже во времена восстания Уота Тайлера в Англии (1381) взгляды крестьянства «политизировались» и что «политическая окраска» проявилась и в антианалоговых выступлениях¹⁷. Но при этом указывалось и на то, что рост организованности и «политического сознания» крестьян начинается лишь тогда, когда им приходится иметь дело уже не с отдельными сеньорами, а с организованным аппаратом государственной власти¹⁸.

Условно можно выделить два разных подхода исследователей при изучении истории крестьянского движения. При этом мы имеем дело не с методологическими, а с методическими различиями — разница в том, как и куда ставится ударение. В одном случае ударение ставится на то, что развивалось прежде всего само крестьянское движение — обогащаясь опытом, оно поднималось на все более высокие уровни. Социальная психология крестьянства складывается из ежедневного, будничного опыта. Созревая, она перерастает в самосознание и наконец смыкается с идеологией¹⁹. Борьба крестьянства против феодального гнета «... была той школой, которая подготавливала его к высшей форме классовой борьбы — борьбе политической»²⁰. Социально-экономическому фону уделяется достаточное внимание, но все же поиск причин изменений ведется преимущественно в материалах, рассказывающих о самом крестьянском движении.

Но в последнее время встречаются и высказывания, что при анализе крестьянского движения надо больше обращать внимания на социально-политическую, экономическую и культурную среду, в которой крестьянское движение развивается. «Для понимания характера и эволюции крестьянского движения его надо рассматривать в рамках непрерывно изменяющейся политической и социально-экономической обстановки»²¹. «Справедливо сказано, — подчеркивал П. Г. Рындзюнский уже в 1983 году, — что „вопросы классовой борьбы нельзя изучать как совокупность самих проявлений этой борьбы, в отрыве от анализа ее социально-экономических предпосылок“»²².

Согласно охарактеризованной выше «лестнице», крестьянское движение должно было начинаться с более умеренных и локальных выступлений и завершаться наиболее сильными его формами — всеобщими крестьянскими восстаниями. Однако уже сравнение развернувшихся в период становления феодальных отношений крестьянских волнений с крестьянскими восстаниями XIV—XV вв. заставляет усомниться в том, были ли вторые более сильными, чем первые. Вряд ли можно считать более слабой ту борьбу, которую вели целые народы во главе со своими племенными вождями или «варварскими королями», упорно защищая свою родину от иноземных феодалов, неоднократно одерживая при этом победы над войсками завоевателей.

Ожесточенная борьба крестьянства, с участием и местной родовой знати, против немецких завоевателей, которые принесли с собой как иго христианства, так и иго феодализма, развернулась в 1074—1075 гг. в Саксонии, в начале XVI в. в низовьях Везера, в Дитмаршене и в При-

¹⁷ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание, 166.

¹⁸ Там же, 98; Гутнова Е. В. Основные направления эволюции форм феодальной ренты, 26.

¹⁹ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание, 23—24.

²⁰ Литвак Б. Г. О периодизации крестьянского движения в России, 65.

²¹ История крестьянства в Европе, 3, 437.

²² Рындзюнский П. Г. Идеиная сторона крестьянских движений, 9.

балтике²³. В течение всего XI в. в Англии продолжается борьба местных племен против феодальных завоевателей — норманнов и датчан²⁴.

Уже на этом хронологически первом этапе хорошо видно, насколько сила и формы крестьянского движения зависят от характера общей исторической ситуации. Силой крестьянского сопротивления была в то время определенная, сложившаяся уже при первобытном строе общинная организация, которая, однако, качественно уступала организации и вооружению феодалов, что в конечном счете и предопределило поражение крестьян.

Волна крупных крестьянских восстаний прокатилась по большинству государств Европы в XIV—XV вв. По мнению Е. В. Гутновой, массовость выступлений можно считать определенным признаком зрелости антифеодальной борьбы крестьян, которые на практике осуществляли лозунг истребления «всех дворян» или «господ»²⁵. Но она сама отмечает, что возникновение таких всеобщих народных восстаний было связано с началом кризиса и распада феодального общества, ослаблением государственной власти²⁶. «Новые условия, в которых оказалось не только английское, но и западноевропейское крестьянство, в целом... требовало и новых форм борьбы»²⁷.

Историк Х. Шульц из ГДР обратила наше внимание на то, что с XVI столетия в тех регионах, где в результате развития государственно-бюрократического аппарата крестьянам открывались более широкие возможности легальной защиты своих интересов, судебный процесс стал преобладающей формой борьбы крестьян²⁸. Приоткрывая перед крестьянством двери судов, правящие классы тем самым вовлекали его в лабиринты классовой юстиции. Но, с другой стороны, именно такие мероприятия, как подача жалоб в суд или государю, составление жалоб, выбор ходяков, сбор денег для них, часто служили «организующим началом» острых антифеодальных выступлений. Именно в ходе длительных процессов устанавливались связи крестьян с представителями городских низов или прогрессивной интеллигенции. При этом, как указывает Ю. Лечинский, судебный процесс зачастую был очень тесно связан с другими формами борьбы. «Переход с ведения процесса и частичной феодальной забастовки к полной забастовке и «отступление» обратно к процессу, когда этого требовали обстоятельства... имели всеобщее распространение», — пишет он. «Крестьяне выбирали всегда ту форму борьбы, которая в данной конкретной ситуации сулила им наибольшие шансы на успех»²⁹.

И на последнем этапе средневековья — в период разложения феодализма — на эволюцию и динамику крестьянского движения оказывают влияние факторы общей исторической обстановки. Мы не наблюдаем простого количественного роста — последние крестьянские войны имеют место в Восточной Европе в конце XVIII в. и после этого борьба крестьян продолжается еще более полувека, но уже в других формах.

«Организация крестьянского движения не только исторически предшествует, но и логически противостоит тем организациям социальных движений, которые начали возникать на исходе феодализма...»³⁰, — пишет З. К. Янель. Исследовательница правильно подчеркивает, что

²³ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание, 216.

²⁴ Там же, 43.

²⁵ Там же, 234—235, 237.

²⁶ Там же, 227—235.

²⁷ Там же, 223.

²⁸ Schultz, H. Bäuerliche Klassenkämpfe zwischen frühbürgerlicher Revolution und dreißigjährigem Krieg. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1972, H. 2, 396.

²⁹ Lesczynski, J. Der Klassenkampf der Oberlausitzischer Bauern in den Jahren 1635—1720. Bautzen, 1964, 203.

³⁰ Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация, 101.

чисто крестьянское движение было не в силах создавать организационные формы, подобные, например, политическим партиям буржуазии или пролетариата. Но не следует, по-видимому, переоценивать «противостояние» крестьян этим новым формам. В крестьянской среде находят отклик все новые формы политической борьбы, которые возникают и развиваются в городе. Эхо развернувшейся в ходе Великой французской революции (1789—1794 гг.) борьбы политических партий докатилось и до самых глухих сельских местностей³¹. В Центральной и Восточной Европе крестьянство быстро откликнулось на лозунги национального движения, активно и не менее организованно, чем буржуазия, включилось в него. Уже с первой половины XIX в. крестьяне научились использовать такую форму революционной борьбы, как распространение листовок и прокламаций.

Чаще всего крестьянское движение рассматривается в рамках одной, а именно — феодальной формации. Такое сужение поля исследования вполне оправданно, так как позволяет подвергнуть анализу крестьянское движение за период, в течение которого не изменяется основной характер воздействующего на него социального механизма. Но в то же время не следует игнорировать и тот факт, что крестьянство — своеобразный «вечный класс». Оно существовало уже в рабовладельческом обществе, продолжало и продолжает существовать и при капитализме, и при социализме. Отсюда следует, что в период, когда складывалась феодальная формация, на крестьянство воздействовали факторы и обстоятельства, исходящие (и переходящие) из дофеодального периода. А в период разложения феодальной формации на него оказали влияние и такие факторы, как созревающие капиталистические отношения и начало рабочего движения.

Вопрос о внутреннем механизме — прежде всего о географии распространения крестьянского движения — уже давно интересовал историков. Можно считать преодоленными упрощенческие представления о том, что хронологически и географически динамика и распространение крестьянских волнений и восстаний механически зависели от интенсивности феодальной эксплуатации крестьян, от их экономического положения. Крестьянские волнения имели место и во времена экономического подъема, в них участвовали и зажиточные крестьяне из регионов, где положение крестьян было относительно сносным.

Остановимся на некоторых предложенных историками гипотезах о механизме распространения и динамики крестьянских волнений.

Согласно концепции Е. В. Гутновой, на первом этапе развитого феодализма до XIV—XV вв. «... существовала наиболее тесная и постоянная связь между развитием рентных отношений и крестьянскими выступлениями»³². На втором этапе крестьян толкало на выступления не изменение рентных отношений (увеличение повинностей или ухудшение правового положения), а общее ухудшение их положения в результате усиления феодальной эксплуатации со стороны сеньоров и феодального государства. Вместо локальных выступлений стали доминировать охватывающие уже большие регионы крестьянские восстания³³ (в отношении имевших место в Восточной Европе крупных крестьянских восстаний в ходу термин — «крестьянские войны»).

Несколько по-иному трактует проблему перехода локальных выступлений в более обширные по территории крестьянские волнения автор этих строк. В результате анализа материалов по истории крестьянского движения в Прибалтике в XVIII—XIX вв. можно было прийти к следующим выводам. Когда начинаются крестьянские волнения, то пер-

³¹ История крестьянства в Европе, 3, 448.

³² Гутнова Е. В. Основные направления эволюции форм феодальной ренты, 20.

³³ Там же, 29—31.

вым выступают, как правило, крестьяне, имевшие какой-то конкретный повод для недовольства, волнения вспыхивают там, где для крестьян сложилась особенно тяжелая обстановка или им грозит ухудшение положения. Но когда волнения уже развернулись, когда критическая точка достигнута, тогда происходит своеобразная цепная реакция — волнения в одной местности вызывают волнения в соседних регионах, причем последним нередко предшествует некоторая подготовленность действий (высылка ходоков с призывом к борьбе или для выяснения положения и т. п.)³⁴.

Опираясь на результаты прежде всего марксистских исследователей, западногерманский историк В. Шульце пишет, что уровень доходов или факт его снижения вряд ли можно считать «фактором взрыва» крестьянских волнений³⁵. На территориальное распространение крестьянских волнений оказывают влияние другие обстоятельства. В XVII—XVIII вв. наиболее интенсивное крестьянское движение наблюдается в Верхней Германии — в верхнем течении Рейна, в Шварцвальде, в Верхней Швабии и в наследных владениях Габсбургов. В то же время в Западной, Северной и Восточной Германии выступления сравнительно редки. Крестьянские волнения реже имеют место в крупных феодальных государствах и чаще в маленьких по территории светских и церковных княжествах, а также в тех государствах, где сословные органы дворянства удерживают сильные позиции и власть (как, например, Лужицкие области). «В связи с этим, — указывает В. Шульце, — там отсутствовали сильные административные аппараты и многоступенчатые судебные системы между подданными и князьями»³⁶. Так как подобные амортизирующие системы отсутствовали, то конфликты между крестьянами и феодалами быстрее и чаще доходили до резкой развязки — вспыхивали волнения. Эти же мелкие княжества отличались более тяжелым налоговым гнетом.

Все вышеприведенное можно обобщить следующим образом. Вряд ли в истории феодализма можно выделить периоды, когда бы какая-нибудь форма классовой борьбы крестьянства преобладала настолько, что могла вытеснить все остальные. В борьбе со своими сеньорами и с феодальным государством крестьяне всегда используют все доступные им возможности и формы борьбы. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что разные формы классовой борьбы, как правило, генетически связаны друг с другом — сопротивления местного значения нередко обретают характер массовых волнений, а те, распространяясь на все большие территории, перерастают в крупные восстания типа крестьянских войн. С течением времени имеют место не столько количественные, сколько качественные изменения, а эти последние во многом связаны с изменениями, которые происходят в общен исторической обстановке. Специфические условия формирования феодальных отношений накладывают свой отпечаток на борьбу крестьянства в тот период. В дальнейшем динамика и типология антифеодальной борьбы во многом зависят от удельного веса и значения локально-сеньюрального и центрально-государственного аппарата, от уровня развития органов принуждения. В период разложения феодальной формации заметное влияние оказывают новые — возникающие и развивающиеся в городской среде — формы и методы распространения информации и ведения политической борьбы (печатное слово, деятельность партий). Именно под влиянием этих факторов (в результате дальнейшего развития крестьянского самосознания,

³⁴ Кахк Ю. Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века. Таллин, 1962, 360—363.

³⁵ Schultze, W. Bäuerlicher Widerstand und feudale Herrschaft in der frühen Neuzeit. Stuttgart, 1980, 71—72.

³⁶ Там же, 60.

на чем мы остановимся ниже) на место более или менее стихийных крестьянских восстаний-войн приходят массовые выступления, использующие уже элементы политической борьбы (в современном смысле слова).

Указывая на то, что динамика классовой борьбы крестьянства и эволюция ее форм во многом зависели от общенсторической обстановки и «внешних факторов», не умаляем ли мы тем самым значение классовой борьбы, которую классики марксизма-ленинизма называли локомотивом истории?

Нам думается, что нет. Развитие классовой борьбы крестьянства не обязательно должно идти по возрастающей и с обострением форм. Спротивление крестьянства феодальной эксплуатации — постоянно действующий фактор, вынуждающий класс эксплуататоров искать для увеличения своих доходов другие пути, помимо усиления нажима на крестьян. Так, феодалы в Западной Европе стали искать выход в совершенствовании арендных отношений, в переходе на более экономичные и эффективные методы ведения хозяйства, а также в сочетании обоих этих методов.

В литературе по аграрной истории Центральной и Восточной Европы XVIII—XIX вв. и в проведенных в те годы аграрных реформах часто просматривается следующая схема: вступая на путь реформ, правители абсолютистских государств запрещают присоединение крестьянских земель к господским и повышение феодальных повинностей — эти реформы проводятся на землях домена, а затем распространяются на дворянские имения. Правительства при проведении политики «защиты крестьян» руководствуются, по мнению некоторых авторов, прежде всего фискальными интересами.

Более детальное изучение процессов привело исследователей к другим выводам. Западногерманский историк Ф.-Б. Геннинг считает, что прусское правительство стало в середине XVIII в. собирать данные о феодальных повинностях не для того, чтобы облегчить положение крестьян, а для того, чтобы установить какие-то более или менее общие правовые нормы для решения возникающих в деревне споров³⁷.

Историк, в какой-то мере знакомый с первоисточниками по истории крестьянского движения и аграрной политики, хорошо знает, что правительственные учреждения занимались крестьянским вопросом не потому, что они хотели «защищать» подданных, а потому, что сами подданные мужественно отстаивали свои права. Разногласия возникали преимущественно по вопросу о величине повинностей, и отсюда вытекала необходимость в их урегулировании. И в Прибалтике, и в Польше, и в других регионах Европы крестьяне часто отвечали на проводимые администрацией реформы открытым негодованием и новыми волнениями, что заставляло правящие круги идти на очередные уступки. Защищая интересы своего мелкого хозяйства, крестьяне тем самым вносили вклад в развитие производительных сил сельского хозяйства.

Но не должны ли мы, учитывая заинтересованность феодалов в увеличении своих доходов, признать, что и они сыграли положительную роль в развитии производительных сил?

В некотором смысле на этот вопрос можно дать положительный ответ. В истории есть очень много примеров того, как крупные землевладельцы приобретали новые сельскохозяйственные машины, занимались мелиорацией и т. п. Но при ознакомлении с подобными фактами мы всегда должны знать — имеем ли мы дело с еще типичным представителем феодальной системы или с уже крупным землевладельцем, который в

³⁷ Henning, F.-W. Bauernwirtschaft und Bauerneinkommen in Ostpreussen im 18. Jahrhundert. Würzburg, 1969, 7.

основном получает свой доход уже от капиталистической ренты или от эксплуатации вольнонаемного работника.

В 1963 г. польский историк В. Кула, опираясь на наблюдения Я. Рутковского, показал, что высокая рентабельность фольварков в конце XVIII в. в Польше была достигнута только за счет использования дарового барщинного труда крестьян. Если бы помещикам пришлось платить жалованье сельскохозяйственным работникам, то они (помещики) сразу бы обанкротились³⁸. На такое же явление на основе материалов помещичьих имений в Эстляндии в XVII в. уже в 1954 г. указал А. Соом³⁹. То же самое было показано автором этих строк на примере помещичьих имений Лифляндии и Эстляндии в первой половине XIX в.⁴⁰ Вывод о том, что барщинно-феодалное хозяйство могло существовать только благодаря даровому труду крестьян, подтвердился и тогда, когда анализу была подвергнута хозяйственная документация девяти имений Эстонии начиная с первой половины XIX в.⁴¹

Анализируя соответствующий материал, мы заинтересовались и тем, какой доход получали крестьяне с тех участков земли, которые были в их распоряжении, а также тем, какими были расходы и доходы тех единичных «помещиков-рационализаторов», которые уже с первой половины XIX в. пользовались наемным трудом.

Оказалось, что парадоксальность феодальной экономики в период разложения заключается именно в том, что многие современники более или менее ясно понимали, что эффективность подневольного труда очень низка. Но для того, чтобы поднять производительность, требовалась определенная инвестиция — надо было иметь те тундеры ржи, которые приходилось расходовать на содержание работников. Вопрос состоял не в том, что помещикам неоткуда было взять эти средства. Альтернативная ситуация была другой: или продолжать жить так, чтобы без каких-либо затрат получать доход, или ежегодно нести определенные расходы и в конечном счете получать примерно тот же доход. В то же время крестьянин сам был жизненно заинтересован в освобождении своей хозяйственной инициативы от феодальных оков, в переходе на более рациональные и эффективные методы хозяйствования.

В Центральной и Восточной Европе — в регионах развитой в поздние средневековье барщинной системы — уже к XVIII столетию дворяне исчерпали возможности дальнейшего повышения крестьянских повинностей (это был сложный путь, который сопровождался опасным обострением взаимоотношений). Надо было пойти дальше и решиться на новый аграрно-политический маневр — заставить крестьян «выкупить» фактически им же принадлежащую землю. Но это означало и замену феодальных отношений буржуазными, открытие перспектив перед капиталистическим предпринимательством.

С одной стороны, экономическая необходимость, вместе с напором классового сопротивления, заставила правящие классы пойти на уступки и реформы, а с другой — стала причиной их упорного отказа от радикальных преобразований. И опять-таки решающим динамическим фактором оказалась классовая борьба крестьян — не в смысле захвата власти, а в смысле силы, продвигающей, подобно локомотиву, дальше общественно-экономическое развитие.

Именно в ключевые моменты перехода от феодализма к капитализму феодалы не были — ни политически, ни экономически — заинтересованы в радикальном изменении методов хозяйствования, в переходе на воль-

³⁸ *Kula, W. Problemy i metody historii gospodarczy. Warszawa, 1963, 235—238.*

³⁹ *Soom, A. Der Herrenhof in Estland im 17. Jahrhundert. Lund, 1954, 373.*

⁴⁰ См.: *Кахк Ю.* Хозяйство имения Сангасте и некоторые проблемы развития помещичьего хозяйства в Эстонии в период позднего феодализма. — *Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1978, № 1, 21—38.*

⁴¹ Там же.

нонаемный труд. Иначе, кстати, было бы и непонятно, почему они так долго и упорно сопротивлялись проведению буржуазных реформ.

Общеисторическая среда оказала серьезное влияние и на формирование, и на развитие социальной психологии крестьянства.

Опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма, многие исследователи уже указывали на двойственность социально-экономического характера крестьянина: с одной стороны, он мелкий собственник, а с другой — честный труженик, по праву противопоставляющий себя эксплуататорам-тунеядцам. Эта двойственность глубоко пронизывает всю его жизнь. Даже тогда, когда крестьянин средневековья или нового времени владел своей землей по праву собственности, эта земля, как правило, находилась в общем массиве общинных земель; каждый землевладелец подчинялся правилам общего выгона. Являясь собственником, крестьянин в то же время был членом общины, вместе с другими крестьянами работал и вместе с ними защищал свои права. И эта двойственность положений никак не могла не привести к раздвоению личности, сочетающей в себе, по меткому выражению Ленина, стремление «смести до основания... все старые формы и распорядки землевладения» и склонность «плакать и молиться, резонерствовать и мечтать»⁴².

В индивидуальном сознании крестьянина могли причудливо сочетаться идеи священных прав на свою земельную собственность с идеями равноправия всех тружеников и их равных прав на землю (прежде всего на землю общего пользования). Конечно, идеи равноправия сильнее были выражены в миропонимании крестьянской бедноты. Но они не были чужды, а иногда выступали даже на первый план и у более зажиточных крестьян — тут многое зависело от конкретной ситуации.

Нет сомнения, что в своем постоянном «противостоянии» феодалам крестьянин накопил опыт — в основном «горький опыт» — и совершенствовал тактику своей борьбы. Но представляется, что при этом он не сумел сломать и господствующих традиций и преодолеть доминирующих в обществе правил и стереотипов. После неудачных обращений в судебные и правительственные инстанции он приходил в конце концов к малоутешительному выводу о том, что такой «легальный путь» ничего не дает или что царь — в принципе, по его мнению, доброжелательный — окружен столь плотным кольцом подкупленных феодалами сановников, что до него не добраться. Но какой путь вместо «легального» выбрать, как дойти до монарха и повлиять на него — этому опыт не учил.

Нужны были «чужие» идеи, произраставшие не из эмпирического опыта классовой борьбы. Но при этом и эти «чужие» идеи не могли прийти из какого-то потустороннего мира. Они должны были существовать в реальном современном мире, но вне узенького жизненного мирка крестьянства. Е. В. Гутнова правильно подчеркивает, что «... крестьянское общественное сознание в средние века развивалось в общей духовной и культурной атмосфере феодального общества и не могло выйти за рамки того „мыслительного материала“, которым это общество располагало...»⁴³

На первых порах — в период становления феодальных порядков — идейным арсеналом, откуда черпались элементы крестьянской антифеодальной идеологии, могли быть традиции и представления, господствовавшие в доклассовом обществе.

Участвовавшие в восстании Стеллинга в 841—843 гг. крестьяне прибрежных районов Северной Германии требовали восстановления дофеодальных общественных порядков⁴⁴. Такие же идеи прозвучали во время крестьянских восстаний 997 г. в Нормандии⁴⁵.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., 17, 211.

⁴³ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание, 269.

⁴⁴ История крестьянства в Европе, 1, 159.

⁴⁵ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание, 214.

Выступая против повинностей, наложенных на них местным церковным феодалом, английские крестьяне в 1336 г. заявили, что раньше они были свободными, а теперь закованы в цепи⁴⁶.

Корни «наивного монархизма» могли отчасти уходить в те далекие времена, когда возвышающиеся над народом вожди еще защищали интересы и права народа в борьбе с чужеземцами (в индоевропейских — германских и скандинавских — языках слово король (König, Kung) происходит от слова вождь (Konung))⁴⁷.

Это была не только борьба слабовооруженных народных ополчений против закованных в железные панцири рыцарей, но и борьба одного миропонимания с другим, старых богов против нового христианского бога. Весной 1211 г. имевшие большой перевес крестоносцы предложили после жестоких кровопролитных сражений защитникам городища Вильянди сдаться и признать «превосходство» их бога. «Признаем, что Ваш бог более сильный, чем наш, и он, победив нас, переменял наши чувства и заставил нас уважать его», — заявили на это старосты и вожди побежденных эстов⁴⁸.

В дальнейшем крестьяне сумели использовать в борьбе за свои права некоторые элементы феодального права.

«Несомненно, правосознание английского крестьянства складывалось под сильным воздействием феодального права», — правильно подчеркивает Е. В. Гутнова. «Но вместе с тем оно развивалось и в направлении поисков таких правовых норм, которые можно было бы противопоставить „общему праву“»⁴⁹. Основываясь на здравом смысле, крестьянство довольно ловко использовало неизбежную в классовом обществе асинхронность социально-экономического развития и изменений, имевших место в области правовых отношений — правовые нормы в своем развитии всегда несколько отставали, новые экономические (эксплуататорские) отношения, как правило, фиксировались и легализировались задним числом⁵⁰.

Тем больше причин для недовольства существующим положением появилось у крестьян тогда, когда наступающие капиталистические отношения стали подрывать устои феодальных отношений. «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные пути... Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли»⁵¹. И в этом мире, где все продавалось и все делалось во имя наживы, крестьянин-труженик чувствовал себя обиженным. Опять положение сложилось таким образом, что подмываемые социальным развитием «старые порядки» оказались более «человечными», чем новые. И протестуя против всего этого, крестьяне ссылались на «старые права» и после того, как они уже теряли свою законную силу. Борьба за возврат к «старому», «хорошему» праву особенно усилилась в XVI в., когда феодалы стали пользоваться выгодными для них, но усиливающими личную зависимость крестьян нормами римского права⁵².

Можем ли мы при таком положении вещей упрекать крестьян — представителей трудового народа — в том, что они смотрели с симпатией не в будущее, а в прошлое. Даже рабочему классу понадобились годы, прежде чем он созрел, освоил научное мировоззрение и на-

⁴⁶ Там же, 79.

⁴⁷ Там же, 306.

⁴⁸ Hengeli Chronicon Livoniae. Revalie, 1982, 114.

⁴⁹ Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание, 86.

⁵⁰ Там же, 305.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах, I. М., 1949, 11.

⁵² История крестьянства в Европе, 3, 461.

учился видеть историческое развитие и будущее человечества в правильной перспективе.

Однако новые явления, созревающие в ходе экономического развития, оказывали и положительное воздействие на формирование крестьянского сознания. В результате развития производительных сил в сельском хозяйстве возрастают потенциал и роль индивидуального крестьянского хозяйства, слабеет его зависимость от общины. Историки указывают на рост в связи с этим индивидуального самосознания крестьян. С XIV в. в фольклоре и народной литературе красной нитью проходит мысль об историческом значении и достоинстве крестьянского сословия, плодами труда которого живут все остальные⁵³.

Вопрос о земле — об отношении человека к этой важнейшей предпосылке трудовой деятельности — занимает чрезвычайно важное место в мировоззрении крестьян. Но понять его сущность очень трудно из-за теоретической неразработанности содержания этого понятия в период феодализма. М. А. Барг отмечает малоизученность этой проблематики в советской исторической и юридической науке, а также указывает на глубоко противоречивую, диалектическую природу понятия собственности в период феодализма⁵⁴.

В последнее время, однако, опубликованы некоторые интересные материалы и по этому вопросу.

Выяснено, что уже на последних стадиях первобытнообщинного строя германские и скандинавские крестьяне относились к земле, которой владели, как к своей собственности: «...каждый отдельный член общины стал относиться к другим, как к самостоятельным собственникам наряду с ним самим»⁵⁵. Крестьянин был неразрывно связан не только с землей и другими членами общины, но и со всей природной средой. «Земля для германца — не просто объект владения; он был с нею связан многими тесными узами, в том числе и не в последнюю очередь психологическими, эмоциональными»⁵⁶. Когда появилась необходимость в урегулировании отношений человека с землей специальными законами, то в первых составленных на заре феодализма «варварских законах» особое внимание уделяется защите земельной собственности⁵⁷.

Но крестьянская собственность всегда была личной собственностью в рамках общинной собственности. «Каждый отдельный человек является собственником или владельцем только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена»⁵⁸, — пишет К. Маркс в 1857—1858 гг. в своей «Критике политической экономии», характеризуя собственность у первобытных племен. Уже в это время закладываются «материальные основы» диалектической двойственности крестьянского сознания.

История крестьянства изобилует фактами их ограбления, насильственного выселения, феодальной «чистки» или «огораживания» земель. Крестьяне яростно протестуют против этого, защищая условия существования своего мелкого хозяйства. Именно эта борьба сильнее и ярче всего отразилась в источниках (нормальное состояние дел в документах редко фиксировалось), и поэтому может создаться впечатление, что крестьянин владел своей землей только по милости феодала. В действительности же все факты захвата земли у крестьян, исправно исполнявших свои обязанности, воспринимались современниками — как крестьянами, так и дворянами, судебными и государственными чиновниками — как

⁵³ История крестьянства в Европе, 2, 597, 602, 607.

⁵⁴ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984, 239—241, 248.

⁵⁵ История крестьянства в Европе, 1, 138.

⁵⁶ Там же, 107.

⁵⁷ Там же, 127.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 46, ч. 1, 463.

нарушение нормы. При захвате крестьянской земли надо было или нахально игнорировать законные нормы, или ухитриться найти разные предлоги и оправдания этому. «Владельческие права западногерманских крестьян в XVI—XVII вв. были весьма прочными», — пишется о периоде, когда феодалы проявляли особую алчность в отношении крестьянской земли. «Достаточно было крестьянину своевременно вносить ренту доброкачественными продуктами и полноценными деньгами, чтобы иметь возможность свободно распоряжаться своей землей»⁵⁹. «Королевские суды, как правило, отказывались рассматривать жалобы наследственно-зависимых крестьян на их господ, нарушивших условия держания», — пишет М. А. Барг. «Между тем вотчинные (манориальные) сеньориальные курии фиксировали условия держаний тех же разрядов крестьян как традиционные, освященные „незапамятным“ обычаем и регулировали по крайней мере частичный оборот этих земель по воле их держателей-крестьян (отчуждавших и приобретающих, сдававших в аренду, обменивавших и т. п.)»⁶⁰.

Именно глубокая привязанность к «собственной» земле иногда порождала конфликт интересов крестьянина-собственника с правами и интересами общины. «Взгляд на „старинную деда и отца своего пашенную землю“ ... как на „природную свою землю“ был одновременно обращен как против посягательств землевладельца, так и против чрезмерно ретивых сторонников переделов»⁶¹.

Исследователями уже отмечено, что место и значение таких понятий, как «земля» и «воля», в крестьянской антифеодальной идеологии меняются.

«Если в более ранние годы крестьянского движения... мысль крестьян была сосредоточена преимущественно на „вольности“, т. е. на освобождении от власти помещика и от феодальных повинностей, а земля как-то отходила на второй план, — пишет В. А. Федоров, — то в период кризиса крепостного хозяйства аграрные требования крестьян выдвигались на первое место, стали в центре всех требований»⁶². И это, по всей вероятности, опять-таки было связано с изменением социально-экономической обстановки, с экономическим усилением личного хозяйства крестьянина, ростом его самостоятельности.

Когда крестьянское движение достигает высшего накала, то некоторые элементы антифеодальной идеологии черпаются из пограничных областей реального мира. Мы имеем в виду прежде всего народную творческую фантазию, из которой вырастал «мир наоборот» — мир карнавалов и сказок. Приемлемый для крестьянина «идеальный мир» по существу отрицал существующий. «Часто крестьяне заявляли, что мир должен быть устроен таким образом, чтобы каждый человек содержал себя трудом своих рук», — написано в заключительном томе «Истории крестьянства в Европе. Эпоха феодализма». «Популярная в фольклоре идея „мира наоборот“, где трудящиеся становятся господами, а господа должны трудиться в поте лица своего, находит отражение в крестьянских требованиях»⁶³. В те дни, когда борьба восставших крестьян приобретала особую эмоциональную напряженность, звучали требования, которые в обыденные дни отражались только в фольклоре и в шуточных народных традициях.

Самые ретивые сторонники «совершенного мира», где воплощались

⁵⁹ История крестьянства в Европе, 3, 135.

⁶⁰ Барг М. А. Категории и методы исторической науки, 254.

⁶¹ История крестьянства в Европе, 3, 532.

⁶² Федоров В. А. Требования крестьянского движения в начале революционной ситуации до 19 февраля 1861 г. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960, 136.

⁶³ История крестьянства в Европе, 3, 445.

идеи их социальной утопии, старались уйти от современного им «грешного» мира, жить в отдаленных от него коммунах⁶⁴. Иногда эта, якобы богатая драгоценными камнями чудесная страна представлялась их мысленному взору столь живой и реальной, что люди пускались на поиски ее в далекую Сибирь⁶⁵.

Народные идеи «мира наоборот» приобретали особую силу, когда подкреплялись высказываниями из религиозных текстов.

Как известно, на формирование сознания средневекового человека очень сильное влияние оказывало церковное учение. Ф. Энгельс писал: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии...»⁶⁶ А В. И. Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития...»⁶⁷

«В среде крестьянства в силу особой роли в его жизни традиций дольше всего бытовали представления, свойственные так называемому народному христианству, включавшему и элементы древнего „магического“ сознания. Картина мироздания, лежавшая в основе крестьянских воззрений на природу и общество, была поэтому повсюду окрашена ярко выраженной религиозностью»⁶⁸.

Но во времена подъема крестьянской борьбы выдвигаемые требования и лозунги черпались не из учения господствующей ортодоксальной церкви, а из самых радикальных из существовавших тогда учений — из еретических проповедей и текстов. Ведь еретические движения, как и крестьянские, боролись против ненавидимых порядков и против церкви. Если ортодоксальная церковь освящала и поддерживала господствующие порядки, то еретические движения — несмотря на то, что они тоже опирались на тексты «священного писания» — отрицали эти порядки, призывали к их уничтожению.

Мир еретических проповедей был по существу таким же «миром наоборот», как и мир народных сказок, — праведность и благодать чудесным образом вознаграждались уже на земле (а не в загробном мире, как утешала официальная церковь). Ересь уже по самой своей сути была очень близка к антифеодальной крестьянской идеологии.

Ф. Энгельс характеризовал христианство первых веков нашей эры, как совершенно новую фазу развития религии, «... которой предстояло стать одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества»⁶⁹. В годы Крестьянской войны в Германии крестьянско-плебейское движение понимало, по словам Энгельса, под «царством божьим» «... общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти»⁷⁰.

«Это был всесторонний протест против феодализма, объективно выражавший интересы социальных низов и свидетельствовавший о росте сознательности борющихся крестьян и холопов», — пишет А. И. Клибанов, характеризуя идеи действовавшего в XVI в. в России еретика Феодосия Косого. «Учение Феодосия Косого явилось своеобразной теорией, оформлявшей социальный протест против феодального гнета и в свою

⁶⁴ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977, 6.

⁶⁵ Там же, 221.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 21, 314.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 4, 228.

⁶⁸ История крестьянства в Европе, 3, 491.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 22, 478.

⁷⁰ Там же, 7, 371.

очередь направлявшей этот протест»⁷¹. Характеризуя идейные течения России в XV—XVI вв., А. И. Клибанов пишет: «... еретическая критика являлась антифеодальной не только в тех случаях, когда делала прямые нападки на политический и общественный строй, но и тогда, когда сеяла сомнения в догмах средневекового православия»⁷².

Отрывки из религиозных текстов, известные и понятные крестьянам, становились лозунгами в их антифеодальной борьбе. «Религия (вернее, ссылка на авторитет священного писания) являлась своеобразной формой „теоретического“ обоснования крестьянских лозунгов и требований»⁷³.

Еретические учения составляли ядро антифеодальной идеологии крестьянства всюду в Европе. «Наиболее законченные, идеологически осмысленные максималистские цели, задачи и программы крестьян находили отражение в крестьянско-плебейских ересях, когда они сливались с крестьянскими восстаниями. Ересь в этих случаях выступала как высшая форма крестьянской идеологии...»⁷⁴

Значение и роль разных элементов, используемых при формировании антифеодальной идеологии крестьянства, с течением времени изменялись. Известно, что с конца XVI в. в результате более широкого распространения грамотности авторитет еретической идеологии начинает падать, она уже не охватывает широких масс населения⁷⁵. На смену ересям приходят идеи наивного монархизма.

Вне непосредственного жизненного опыта крестьян стояла далекая и во многом мистическая фигура государя. Известно, что в отношении французских королей до XVIII столетия упорно держались суеверные представления о том, что прикосновение их рук может лечить болезни. «Иллюзия „хорошего царя“, типичная для эмпирической мысли не только XVII—XVIII вв. и не только для России, в самой России была преодолена несколько позже теоретическим мышлением, благодаря которому нам теперь так очевидны монархические заблуждения крестьянства, являвшиеся в сущности мировоззренческой нормой времени, а не признаком незрелости социальной мысли одного лишь крестьянства, как это иногда утверждается»⁷⁶, — пишет З. К. Янель.

В реальной исторической действительности идеи наивного монархизма отнюдь не представляли собой лишь негативную силу, которая сковывала энергию крестьян и вводила их в заблуждение. М. А. Рахматуллин правильно указывает на то, что именно «... с верой в существование справедливого „царского закона“ крестьяне во время волнений мужественно противостояли солдатским штыкам и их протест направлялся (неосознанно) против помещичье-бюрократического аппарата крепостнического государства в целом. И совершенно справедливо исследователи связывают эти случаи проявления наивного монархизма и с поисками крестьянства союзника в своей борьбе против помещиков, против крепостничества»⁷⁷. Во время развернувшихся в 1840-х годах в Прибалтике волнений эстонские и латышские крестьяне оправдывают свое поведение такими «политическими мотивами», как возможное отношение к ним царского правительства (в своих беседах с местным просветителем Ф. Р. Фельманом крестьяне говорили, что если они перейдут в православную веру, то, может быть, царь проявит о них больше заботы).

⁷¹ Клибанов А. И. Реформационное движение в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960, 298.

⁷² Там же, 260.

⁷³ Федоров В. А. К вопросу об идеологии крепостного крестьянства, 146.

⁷⁴ История крестьянства в Европе, 2, 586.

⁷⁵ История крестьянства в Европе, 3, 446.

⁷⁶ Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация, 93.

⁷⁷ Рахматуллин М. А. К вопросу об уровне общественного сознания крестьянства в России. — В кн.: Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР, 166.

Начиная с XVIII в. идеи наивного монархизма отступают под натиском передовых веяний того времени. Под их влиянием меняется и миропонимание крестьян.

Во Франции и Англии в XVIII столетии в крестьянстве находят отклик идеи просветительской идеологии. В найденных в конце XVIII—начале XIX вв. в России крестьянских «сочинениях» уже встречаются и атеистические нотки, их авторы явно знакомы с кое-какими трудами видных западноевропейских философов⁷⁸. В 1830-е годы среди крестьян России распространяются ими же написанные листовки антифеодального содержания⁷⁹.

Б. Г. Литвак видит во всем этом постепенное приближение к высшей форме классовой борьбы — к политической борьбе⁸⁰. Трезвенное движение 1850-х годов было, по его мнению, наилучшим, но единственным примером в дореформенное время такого политического движения, которое сумело объединить все прослойки и категории крестьянства⁸¹. Довольно симптоматичным можно считать такой факт: один местный полицейский чиновник Прибалтики (гакенрихтер) в 1858 г. доложил, что крестьяне в корчмах и молитвенных домах сильно «политизируют» (*stark politisiert wird*)⁸².

«Старую крестьянскую психологию также постепенно разрушало растущее в XIX в. отходничество», — пишет П. Г. Рындзюнский о российской деревне. «Следовательно, идейное содержание крестьянской антикрепостнической борьбы разнообразилось и обогащалось. Этому содействовали и бурные события политической жизни страны первой половины XIX века»⁸³.

Именно для периода, когда интенсивно идут процессы разложения феодальных отношений и развитие сменяющих их капиталистических отношений, когда широко распространяется грамотность, рушатся традиции и замкнутость патриархального мира крестьянства, лучше всего подходят мысли классиков марксизма-ленинизма о том, что идеология должна быть привнесена в революционную борьбу эксплуатируемых масс извне.

⁷⁸ Коган Л. А. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966, 43, 51—55.

⁷⁹ Там же, 163, 184.

⁸⁰ Литвак Б. Г. О периодизации крестьянского движения в России, 69.

⁸¹ Там же, 65.

⁸² Центральный государственный исторический архив ЭССР (Тарту), ф. 29, оп. 1, д. 523/70, л. 143.

⁸³ Рындзюнский Б. Г. Идейная сторона крестьянских движений, 9.

Отделение общественных наук
Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
29/XII 1988

Juhan KAHK

TALURAHVALIIKUMISE DÜNAAMIKAST, PERIODISEERINGUST JA IDEOLOOGIAST

Nõukogude ajalooteaduses väljatöötatud seisukohad talurahva ajaloo küsimustes on omaks võtnud maailma paljud ajaloolased, eeskätt marksistlikku metodoloogiat kasutavad spetsialistid. On aga jäänud valdkondi, kus uurijatel on eri arvamusi ja kus veel otsitakse lahendusi.

Viimastes nõukogude ajaloolaste töodes on üle saadud talurahva feodalismivastase võitluse fataalse tulemusetuse (seega ka perspektiivituse) teesist ning juhitakse tähelepanu asjaolule, et võitlus sundis feodaale järeleandmistele (rendivormide muutmisele, rendi suuruse fikseerimisele jne.). Päris õigeks pole osutunud omal ajal B. Poršnevi väljatöötatud talurahvaliikumise ajaloolise dünaamika skeem, mille järgi üksikute lokaalsete vastuhakkude ja põgenemiste perioodile järgneb suurte ülestõusude (talurahva-

sõdade) aeg. Uurijad on juhtinud tähelepanu, et niisugune skeem ei vasta päriselt tegelikele ajaloole käigule (laialdased talurahvasõjad leidsid aset juba feodaalsuhete tekke perioodil ning nad puuduvad feodalismi viimastel sajanditel) ja et talurahva klassivõitluse vormide kujunemisele avaldab suurt mõju ühiskonna üldine sotsiaal-poliitiline evolutsioon. Talurahva klassivõitluse territoriaalset levikut ei mõjosta nii suurel määral mitte niivõrd feodaalse eksploateerimise tugevus, kui niivõrd administratiiv-poliitilise süsteemi kohalik eripära. Absolutistlike monarhiate ja aadlikorporatsioonide 18.—19. sajandi agraarreformid ei sündinud mitte valitsejate (valitsevate klasside) heast tahtest, vaid vajadusest reageerida talurahva antifeodaalse vastupanuga esile kutsutud sotsiaal-poliitilisele pingele. Oma situatsiooni tõttu ei saanud aadel olla radikaalsete agraarreformide pooldaja, sest ta ei tahtnud ega saanud kaotada talupoja tasuta tööjõudu.

Feodaalsuhete kujunemisel mõjutasid talupoegade ideoloogiat varasemast klassideelusest ühiskonnast pärinevad vabaduse ja võrdsuse traditsioonid ning ideed. Hiljem ilmnev agraarühete juriidilise vormistamise mahajäämus nende arengu tegelikust dünaamikast kutsus esile selle, et talupojad nõuavad oma olukorra parandamist ja põhjendavad seda viidetega varem kehtinud suhetele («vana õiguse ideoloogia»). Talurahva klassivõitluse teravnemisel (ägedamate ja laialdasemate ülestõusude puhul) mõjutavad talupoegade ideoloogiat ka elu vaimsest sfäärist pärinevad elemendid: folkloorised ideed «vastupidi maailmast» ja «heast tsaarist» ning ortodokssest kiriku õpetusest erinevad ristiusu hereetilised (lahkusulised) ideed. Kapitalistlike suhete tekke ja arengu etapil hakkab talupoegi mõjutama ka eesrindlik kodanlik valgustusideoloogia.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ühiskonnateaduste Osakond*

Toimetusse saabunud
29. XII 1988

Juhan KAHK

ON THE DYNAMICS, DIVISION INTO PERIODS AND IDEOLOGY OF THE PEASANTRY MOVEMENT

The viewpoints on the history of the peasantry worked out by Soviet historians have been accepted by a number of specialists of the world (first and foremost by those applying Marxist methodology). Still there are spheres where the researchers are of different opinions and look for solutions.

In their recent works Soviet historians have given up the idea of the fatal failure of the anti-feudal struggle of the peasantry. They have pointed out the fact that the struggle forced the feudal landlords to concessions (they changed the rent forms, fixed the size of rent, etc.). The scheme of the dynamics of the peasantry movement worked out by B. Porshnev according to which the great revolts (the peasant wars) are preceded by the isolated uprisings and flights have not proved quite true. Researchers have pointed out that such a scheme does not fully correspond to the factual course of history (widespread peasant uprisings took place already during the establishment of feudal relations and they did not occur in the last centuries of feudalism) and the formation of the forms of the peasantry class struggle was not influenced to such a great extent by the strength of feudal exploitation but by the local peculiarities of the administrative-political system. The 18th—19th century agrarian reforms of the absolute monarchies and the nobility corporations were not born by the good will of the ruling classes but by the necessity to respond to the strain called forth by the antifederal resistance of the peasantry. The socio-economic situation of the nobility did not enable it to stand for the radical agrarian reforms because it did not want to and could not lose unpaid labour of the peasantry.

During the formation of feudal relations the ideology of the peasantry was influenced by the traditions and ideas of freedom and equality coming from the pre-class society. The backwardness of the juridical registration of agrarian relations from the actual dynamics of their development is the basis to the fact that the peasants insist on the improvement of their life justifying it with the relations valid before (the ideology of the "old right").

During the period of the aggravated class struggle (violent and widespread uprisings) the ideology of peasants is influenced by the elements of ideological sphere of life: folkloristic ideas of the «reverse world» and «a good czar», and the heretic ideas different from the orthodox doctrine.

During the period of the formation and development of capitalist relations progressive enlightenment ideas begin to influence the peasantry.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Department of Social Sciences*

Received
Dec. 29, 1988